

Почему война? Неизбежна ли война? «Открытые письма», переписка между Альбертом Эйнштейном и Зигмундом Фрейдом¹

**Эйнштейн — Фрейду
30 июля 1932 г.**

Дорогой профессор Фрейд!

Предложение Лиги Наций и ее Международного института интеллектуальной кооперации в Париже, состоящее в том, чтобы я пригласил человека, по моему выбору, для искреннего обмена мнениями по любой из проблем, которая меня интересует, дает мне прекрасную возможность обсудить с Вами вопрос, на мой взгляд, наиболее неотложный среди всех других, стоящих перед лицом цивилизации. Эта проблема формулируется так: существует ли для человечества путь, позволяющий избежать опасности войны?

По мере развития современной науки расширяется знание того, что этот трудный вопрос включает в себя жизнь и смерть цивилизации — той, которую мы знаем; тем не менее все известные попытки решения этой проблемы заканчивались прискорбным фиаско. Более того, я полагаю, что те, кто обязан профессионально решать эту проблему, в действительности лишь все более погружаются в нее, и поэтому заинтересовались теперь непредвзятым мнением людей науки, которые обладают преимуществом точки зрения на проблемы мирового значения в перспективе, возрастающей по мере удаленности от их решения.

Что касается меня, то привычная объектность моих мыслей не позволяет мне проникнуть в темные пространства человеческой воли и чувств. Поэтому в исследовании предложенного вопроса я могу сделать не более чем попытку постановки задачи, для того чтобы создать почву для применения Ваших обширных знаний о людских инстинктах в борьбе с этой проблемой. Существуют психологические барьеры, о существовании которых люди, не посвященные в науку о мышлении, лишь смутно подозревают. Взаимодействие и капризы ментальных хитросплетений делают их неспособными измерить глубину собственной некомпетентности; убежден, однако, что Вы способны предложить методы из области воспитания и образования, т. е. лежащие более или менее вне сферы политики, которые позволят преодолеть это препятствие.

Что касается меня, то я рассмотрю простейшие соображения, относящиеся к внешнему (административному) аспекту проблемы национального суверенитета: учреждению, опираясь на международный консенсус, законодательного и юридического органа для улаживания любых конфликтов, возникающих между нациями. Каждая нация обязалась бы соблюдать установления этого органа, призывать его для решения всех споров

¹ Опубликовано в The New Commonwealth, № 6, 1934 (<https://psyoffice.ru/3815-pochemu-vojjna-neizbezhna-li-vojjna-otkrytye.html>, дата обращения: 31.05.2024).

и предпринимать те меры, которые этот трибунал сочтет установленными для исполнения его декретов. Однако уже здесь я наталкиваюсь на препятствие; трибунал есть человеческое учреждение, и чем меньше его власть оказывается адекватной установленным вердиктам, тем более оно оказывается подверженным уклонению в сторону оказания давления вне области юридического права. Это факт, с которым приходится считаться: закон и сила неизбежно идут рука об руку, и юридические решения настолько приближаются к идеальному правосудию (звучащему как общественное требование), насколько эффективную силу использует общество для воплощения юридического идеала. В настоящее время мы далеки от формирования наднациональной организации, компетентной выносить бесспорно полномочные вердикты и обладающей возможностью абсолютной власти в их претворении в жизнь. Таким образом, я вывожу мою первую аксиому: путь международной безопасности влечет за собой безусловное поражение в правах любой нации, ограничивая определенным образом ее свободу действий и суверенитет, и безусловно ясно, что нет иного пути, способного привести к безопасности в обсуждаемом смысле.

Сокрушительные неудачи, постигшие все попытки достижения результатов в этой области в течение прошедших десяти лет, не оставляют почвы для сомнений, что в действие вступают мощные психологические факторы, которые парализуют любые усилия. Не надо далеко ходить в поисках некоторых из них. Стремление к власти, которое характеризует правящий класс любой нации, враждебно к любому ограничению национального суверенитета. Политика вскармливается интересами торговли или предпринимательства. Я имею в виду вполне определенную, малочисленную группу индивидов, которые, пренебрегая моралью и ограничениями общества, рассматривают войну как средство продвижения собственных интересов и укрепления их персональной власти.

Признание этого очевидного факта — просто первый шаг к оценке фактического состояния дел. Как следствие, рождается трудный вопрос: как возможно, что эта малая клика подчиняет волю большинства, вынужденного нести потери и страдать в войне, в угоду их персональным амбициям? (Говоря «большинство», я не исключаю вояк любого ранга, выбравших войну своим ремеслом и верящих в то, что они защищают высшие интересы своей расы и что нападение — лучший способ обороны.) Обычный ответ на этот вопрос состоит в том, что меньшинство в данный момент является правящим классом, и под его пятой — пресса и школы, а чаще всего и церковь. Именно это позволяет меньшинству организовать и направить эмоции масс, превратить их в инструмент своей воли.

Однако даже этот ответ не ведет к решению. Из него рождается новый вопрос: почему человек позволяет довести себя до столь дикого энтузиазма, заставляющего его жертвовать собственной жизнью? Возможен только один ответ: потому что жажда ненависти и разрушения находится в самом человеке. В спокойные времена это устремление существует в скрытой форме и проявляется только при неординарных обстоятельствах. Однако оказывается сравнительно легко вступить с ним в игру и раздуть его до мощи коллективного психоза. Именно в этом, видимо, заключается скрытая сущность всего комплекса рассматриваемых факторов, загадка, которую может решить только эксперт в области человеческих инстинктов.

Таким образом, мы подошли к последнему вопросу. Возможно ли контролировать ментальную эволюцию рода человеческого таким образом, чтобы сделать его устойчивым

против психозов жестокости и разрушения? Здесь я имею в виду не только так называемые необразованные массы. Опыт показывает, что чаще именно так называемая интеллигенция склонна воспринимать это губительное коллективное внушение, поскольку интеллект не имеет прямого контакта с «грубой» действительностью, но встречается с ее спиритуалистической, искусственной формой на страницах печати.

Итак: пока я говорил только о войнах между нациями, которые известны как международные конфликты. Но я хорошо знаю, что агрессивный инстинкт работает и в других формах и обстоятельствах. (Я имею в виду гражданские войны, причина которых прежде была в религиозном рвении, а ныне — в социальных факторах; или преследования на расовой почве.)

Я умышленно привлекаю внимание к тому, что является наиболее типичной, мучительной и извращенной формой конфликта человека с человеком, для того чтобы мы имели наилучшую возможность для обнаружения путей и средств, делающих невозможными любые вооруженные конфликты.

Я знаю, что в Ваших трудах мы можем найти, явно или намеком, пояснения ко всем проявлениям этой срочной и захватывающей проблемы. Однако Вы сделаете огромную услугу нам всем, если представите проблему всемирного замирения в свете Ваших последних исследований, и тогда, быть может, свет истины озарит путь для новых и плодотворных способов действий.

Искренне Ваш,
А. Эйнштейн

Фрейд — Эйнштейну
Вена, сентябрь 1932 г.

Дорогой г-н Эйнштейн!

Когда я узнал о Вашем намерении пригласить меня обменяться мыслями на тему, вызывающую интерес у Вас и заслуживающую, возможно, внимания общественности, я охотно согласился. Я ожидал, что Вы выберете пограничную проблему, которая каждому из нас — физику или психологу — позволит в конце концов встретиться на общей почве, пройдя различными путями и используя различные предпосылки. Однако вопрос, который Вы адресовали мне — что необходимо сделать для освобождения человечества от угрозы войны? — оказался для меня сюрпризом. Кроме того, я был буквально ошеломлен мыслью о моей (чуть было не написал — нашей) некомпетентности; для ответа мне надо бы было стать чем-то вроде практического политика, сравнившись в образовании с государственным мужем. Однако потом я осознал, что Вы обращаетесь не к ученым или физикам Вашего уровня, а говорите, как любящий о своей второй половине, — о тех людях, что, откликнувшись на призыв Лиги Наций и полярника Фритьофа Нансена, решили посвятить себя задаче помощи бездомным и голодающим жертвам мировой войны. Я напомнил себе, что меня не просят давать конкретные рекомендации, а скорее просят объяснить, как может ответить психолог на вопрос о возможности предупреждения войн.

Формулируя в своем письме постановку задачи, Вы отбираете ветер у моих парусов! Однако я рад следовать за Вами и заняться подтверждением Ваших заключений. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы, по возможности, расширить их моим пониманием или моими гипотезами.

Вы начинаете с отношения между властью и правом, и это, несомненно, правильная система координат для наших исследований. Но термин «власть» я буду замещать и совмещать с более употребительным словом — «насилие».

Право и насилие для нас сегодня представляются противоположностями. Легко показать, однако, что одно развилось из другого; рассматривая вопрос с самого начала, достаточно легко прийти к решению проблемы. Я прошу прощения, если в том, что я буду упоминать в дальнейшем как общеизвестные и доступные факты, появится ряд новых данных, однако контекст требует именно такого метода изложения.

Конфликт интересов между людьми в принципе решается посредством насилия. В этом человек не изобрел ничего нового, то же самое происходит и в мире животных. Однако вдобавок у людей появились конфликты мнений, каковые могут достигать наивысших вершин абстракции и, видимо, требуют иной техники разрешения. Эти тонкости появляются не сами по себе, но есть результат скрытого развития. Вначале грубая сила была фактором, который в малых сообществах решал вопрос о собственности и лидерстве. Однако очень скоро физическая сила была потеснена и замещена использованием различных орудий; они делали победителем того, чье оружие лучше или кто более умел в его изготовлении. Вхождение в обиход оружия впервые позволило умственным способностям возобладать над грубой силой, но суть конфликта не изменилась: ослабев от ущерба, одна из конфликтующих сторон-партий оказывается перед нехитрым выбором — отказаться от своих притязаний или быть уничтоженной. Наиболее эффективно такое завершение конфликта, при котором противник полностью выведен из строя — другими словами, убит. Эта процедура имеет два преимущества: враг не может возобновить военные действия и, во-вторых, его судьба является сдерживающим примером для остальных. Кроме того, кровопролитие удовлетворяет некоторую инстинктивную страсть — к этому положению мы еще вернемся.

Однако есть аргументы и против убийства: возможность использования врага как раба — если дух его будет сломлен, ему можно оставить жизнь. В этом случае насилие находит выход не в резне, а в покорении. Здесь истоки практики пощады; однако победитель с этого времени вынужден считаться с жаждой мести, терзающей его жертву, создающей угрозу его персональной безопасности.

Таким образом, в примитивных сообществах жизнь протекает в условиях господства силы: насилие осуществляет власть над всем сущим, используя жестокость, будь то жестокость природы или армии.

Известно, что это положение вещей изменялось в процессе эволюции, и был пройден путь от насилия к праву. Однако каков этот путь? Мне кажется, один-единственный. Он вел к такому положению дел, что большую силу одного смогло компенсировать объединение слабейших, к убеждению, что «силу можно одолеть всем миром». Мощь объединения разрозненных дотоле одиночек делает их вправе противостоять отдельному гиганту. Таким образом, мы можем дать определение «права» (в смысле закона), используя представление о власти сообщества. Однако это по-прежнему насилие, незамедлительно применяемое

к любому одиночке, противопоставляющему себя сообществу. Насилие, использующее те же методы для достижения своих целей, хотя насилие общественное, а не индивидуальное. Однако для перехода от грубой силы к царству законности должны произойти определенные изменения в психологии. Союз большинства должен быть прочным и стабильным. Если это основное условие будет нарушено каким-либо выскочкой, то до тех пор, пока выскочка не будет поставлен на место, положение вещей не будет меняться. Другой человек, замороженный превосходством его власти, пойдет по его стопам, веря себя вере в насилие, — и цикл повторится бесконечно. Противопоставить этому порочному кругу борьбы за власть можно только постоянный союз людей, который должен быть очень хорошо организован; залог успеха — в создании индустрии для претворения свода правил-законов в жизнь, которая применяла бы насилие таким образом, чтобы все законные решения неукоснительно исполнялись. Распознавание возмутителей спокойствия среди членов группы, связанной чувствами единства и братской солидарности, лежит в основе реальной силы и эффективности общины.

В этом состоит то, что представляется мне ядром проблемы: по мере превращения произвола насилия в силу великого объединения людей, основанного на сообществе чувств, формируется общность чувств, скрепляющих членов общины сетью связей. Далее мне остается лишь шлифовать это утверждение. Все достаточно просто, пока сообщество состоит из множества равнозначных индивидов. Законы общины гарантируют общую безопасность, требуя взамен ограничение персональной свободы и отказ от использования личной силы. Но это только умозрительная возможность; практически ситуация всегда усложняется фактом того, что неравенство существует изначально в делении людей на группы, например, на мужчин и женщин, отцов и детей; в результате войн и завоевательных походов всегда появляются победители и побежденные и, соответственно, владельцы и рабы. С тех самых пор общинные законы претерпевают трансформацию, отражающую фактическое неравенство, закрепляя положение дел, при котором рабские классы наделяются меньшим количеством прав. В этом положении дел заложены два фактора, определяющие как неустойчивость существующего правопорядка, так и возможность его эволюции: во-первых, это попытки правящего класса подняться над ограничениями закона и, во-вторых, постоянная борьба угнетенных за свои права. Последние борются за ликвидацию юридического неравенства, воплощенного в кодексах, и замену его законами, одинаковыми для всех. Вторая из этих тенденций особенно заметна, когда происходят изменения к лучшему, связанные с изменением расстановки сил в пределах сообщества. В этом случае законы постепенно приходят в соответствие с изменившимся раскладом сил, если обычное нежелание правящего класса принимать новые реалии не приводит к восстаниям и гражданским войнам. В моменты восстаний, когда закон временно бездействует, избежать насильственного разрешения конфликтов интересов в обществе невозможно, и сила вновь становится арбитром соревнования, ведущего к установлению обновленного законодательного режима. В то же время существует и другой фактор, позволяющий менять общественное устройство мирным способом, заключенный в области культурной эволюции общественных масс; однако этот фактор имеет иной порядок и будет рассмотрен отдельно.

Таким образом, мы видим, что даже в пределах группы людей конфликт интересов делает неизбежным применение насилия. Повседневные нужды и общие заботы, проистекающие из совместной жизни, способствуют быстрому решению таких конфликтов,

причем варианты мирных решений определенным образом совершенствуются. Однако достаточно одного взгляда на мировую историю, чтобы увидеть бесконечный ряд конфликтов одного общества с другим (или многими другими), конфликтов между большими и малыми общностями — городами, провинциями, племенами, народами, империями, — которые почти всегда решались пробой сил в войне. Победенные в таких войнах пожинают плоды конкисты и мародерства. Невозможно дать однозначную трактовку нарастающим масштабам этих войн. Одни из них (например, завоевания монголов и турок) не приносили ничего, кроме бедствий. Другие, напротив, приводили к превращению насилия в право — в пределах объединенных в войне земель исключалась возможность обращения к насилию, а новый правовой порядок сглаживал конфликты. Так, завоевания римлян одарили Средиземноморье римским правом — *рах гомана*. Страсть французских королей к величию создала новую Францию, исповедующую мир и единство. Как бы парадоксально это ни звучало, необходимо признать, что война была не самым негодным средством для установления желанного «нерушимого» мира, поскольку рождала громадные империи, в пределах которых сильная центральная власть ограничивала все поползновения к стычкам. Практически, конечно, мир не был достигнут, громадные империи возникали и вновь распадались, поскольку не могли достичь реального единства частей, насильственно связанных.

Более того, все известные до сих пор империи, как бы они ни были велики, имели определенные границы и для выяснения отношений друг с другом прибегали к помощи армий. Единственным значимым результатом всех военных усилий стало лишь то, что человечество поменяло бесчисленные, беспрестанные малые войны на более редкие, но и более опустошительные великие войны.

Все сказанное можно отнести и к современному миру, и Вы пришли к этому заключению кратчайшим путем. Единственный и основной путь для окончания войн заключается в том, чтобы создать центральный контроль, который при всеобщем согласии должен играть решающую роль в любом конфликте интересов. Для этого необходимы две вещи: во-первых, создание верховного суда, во-вторых, наделение его адекватной исполнительной силой. Первое требование бесполезно до тех пор, пока не выполнено второе. Очевидно, что Лига Наций, являясь верховным судом в указанном смысле, удовлетворяет первому требованию, однако не удовлетворяет второму. Эта конструкция не располагает силой по определению и сможет набрать ее лишь в том случае, если эту силу предоставят члены нового объединения наций. Но положение дел таково, что рассчитывать на это не приходится. Обращаясь к Лиге Наций, необходимо отметить всю уникальность этого эксперимента, по всей видимости, никогда не имевшего места в истории в таком масштабе. Это — попытка обзавестись международной верховной властью (другими словами — реальным воздействием), которая до сих пор не может воплотиться в жизнь, что можно интерпретировать в рамках общего идеализма, свойственного плодам рассудка.

Мы говорили, что общество связано воедино двумя факторами: насильственным принуждением и общинными связями (групповыми идентификациями — если использовать специальные термины). При отсутствии одного из факторов другой способен удерживать единство группы. Эта точка зрения работает только в том случае, когда существует глубинное чувство общности, разделяемое всеми. Следовательно, требуется единая мера

эффективности таких чувств. История говорит нам, что в некоторых условиях чувства были вполне действенны. Например, концепция панэллинизма как отражение ощущения пребывания во враждебном варварском окружении выражалась в амфикионах (религиозно-политических союзах), институте оракулов и олимпийских играх. Эта концепция оказалась вполне достаточной как метод гуманизации конфликтов внутри расы эллинов и даже для того, чтобы в своем стремлении поразить врага эллинские города и их союзы избегли соблазна коалиций со своими расовыми врагами — персами. Солидарность христианского мира, больших и малых наций в эпоху Возрождения была как нельзя более эффективным препятствием против тотальной деспотии — заветной цели султана. В наше время мы тщетно оглядываемся в поисках идеи, приоритет которой оказался бы бесспорным. Ясно, что националистические идеи, главенствующие сегодня в любой стране, работают в совершенно ином направлении. Некоторые из тех, кто лелеет надежду, что концепции большевиков могут покончить с войнами, забывают, возможно, о реальном положении дел, при котором эта цель достижима лишь по окончании периода жесточайшего международного противостояния. Представляется, что любые попытки заменить грубую силу властью идеалов в современных условиях фатально обречены на провал. Нелогично игнорировать тот факт, что право изначально было грубым насилием, и до сего дня оно не может обойтись без помощи насилия.

Теперь я могу прокомментировать и другое Ваше суждение. Вы поражены, что людей столь легко инфицировать военной лихорадкой, и полагаете, что за этим должно стоять нечто реальное — инстинкт ненависти и уничтожения, заложенный в самом человеке, которым манипулируют подстрекатели войны. Я полностью согласен с Вами. Я верю в существование этого инстинкта и совсем недавно с болью наблюдал его оголтелые проявления. В этой связи я могу изложить фрагмент того знания инстинктов, которым сегодня руководствуются психоаналитики, после долгих предварительных рассуждений и блужданий во тьме.

Мы полагаем, что человеческие влечения бывают только двух родов. Во-первых, те, что направлены на сохранение и объединение; мы называем их эротическими (в том смысле, в каком Эрос понимается в платоновском «Пире»), или сексуальными влечениями, сознательно расширяя известное понятие «сексуальность». Во-вторых, другие, направленные на разрушение и убийство: мы классифицируем их как инстинкты агрессии или деструктивности. Как Вы понимаете, это известные противоположности — любовь и ненависть, — преобразованные в теоретические объекты; они образуют аспект тех вечных полярностей, притяжения и отталкивания, которые присутствуют и в пределах Вашей профессии. Однако мы должны быть крайне осторожны при рассмотрении понятий добра и зла. Каждый из этих инстинктов не существует без своей противоположности, и все явления жизни происходят от их деятельности, работают ли они в согласии или в оппозиции. Инстинкт любой категории практически никогда не работает отдельно; он всегда смешивается («сплавляется», как мы говорим) с некоторой дозой его противоположности, что способно изменить его направленность, а в некоторых обстоятельствах препятствует достижению конечной цели. Так, самосохранение имеет, несомненно, эротическую природу, но, судя по конечному результату, это тот самый инстинкт, который вынуждает к агрессивным действиям. Таким же образом инстинкт любви, будучи направлен на определенный объект, жадно впитывает примеси другого инстинкта, если это повышает

эффективность овладения целью. Трудность изоляции двух видов инстинкта в их проявлениях долго не позволяла нам распознать их.

Если Вы согласитесь пройти вместе со мной несколько дальше в этом направлении, то обнаружите, что человеческие отношения дополнительно осложняются и другим обстоятельством. Только в исключительных случаях некоторое действие стимулируется действием единственного инстинкта, который сам по себе является смесью Эроса и деструктивного начала. Как правило же, взаимодействуют несколько вариантов сплавов, образованных инстинктами, вызывая к жизни тот или иной акт. Этот факт был должным образом отмечен Вашим коллегой — профессором физики из Геттингена Г.С. Лихтенбергом; возможно даже, он был более выдающимся физиологом, чем физиком. Развивая понятие «карт мотивации», он писал следующее: «...эффективные поводы, побуждающие человека к действию, могут классифицироваться, подобно 32 градациям направления ветра, и могут быть описаны в той же самой манере как зюйд-зюйд-ост, например: „пицца-пицца-слава“ или „слава-слава-пицца“». Таким образом, целая гамма человеческих побуждений может стать поводом для вовлечения нации в войну; для этого используется мотивация высоких и низких побуждений, причем как явных, так и не артикулированных. Среди этих побуждений жажда агрессии и разрушения, несомненно, присутствует; ее распространенность и силу подтверждают неисчислимы жестокости истории и повседневная жизнь человека. Стимуляция разрушительных импульсов путем обращения к идеализму и эротическому инстинкту, естественно, содействует их высвобождению. Размышляя относительно злодеяний, зарегистрированных на страницах истории, мы чувствуем, что идеальный повод часто служил камуфляжем для жажды разрушения. Иногда, как в случае с ужасами Инквизиции, кажется, что идеальные побуждения, овладевающие рассудком, черпают свою силу в безрассудстве разрушительных инстинктов. Можно интерпретировать так или иначе, но суть дела не меняется.

Я понимаю, что Вы интересовались предотвращением войны, а не нашими теориями. Однако позвольте мне все же задержаться на разрушительном инстинкте, которому редко уделяют внимание, отвечающее его значимости. Этот инстинкт, без преувеличения, действует повсеместно, приводя к разрушениям и стремясь низвести жизнь до уровня косной материи. Со всею серьезностью он заслуживает названия инстинкта смерти, в то время как эротические влечения представляют собой борьбу за жизнь. Направляясь на внешние цели, инстинкт смерти проявляется в виде инстинкта разрушения. Живое существо сохраняет свою собственную жизнь, разрушая чужую. В некоторых своих проявлениях инстинкт смерти действует внутри живых существ, и нами прослежено достаточно большое число нормальных и патологических явлений такого обращения разрушительных инстинктов. Мы даже впали в такую ересь, что стали объяснять происхождение нашей совести подобным «обращением» внутрь агрессивных импульсов. Как Вы понимаете, если этот внутренний процесс начинает разрастаться, это поистине ужасно, и потому перенесение разрушительных импульсов во внешний мир должно приносить эффект облегчения. Таким образом, мы приходим к биологическому оправданию всех мерзких, пагубных наклонностей, с которыми мы ведем неустанную борьбу. Собственно, остается резюмировать, что они даже более в природе вещей, чем наша борьба с ними.

Все сказанное может создать у Вас впечатление, что наши теории образуют мифологическую и сумрачную область! Но не ведет ли всякая попытка изучения природы в конечном счете к этому — к своего рода мифологии? Иначе ли обстоит дело в физике?

Наш умозрительный анализ позволяет с уверенностью утверждать, что нет возможности подавить агрессивные устремления человечества. Говорят, что в тех счастливых уголках земли, где природа дарует человеку свои плоды в изобилии, жизнь народов протекает в неге, не зная принуждения и агрессии. Мне тяжело в это поверить, и далее мы рассмотрим жизнь этого счастливого народа подробнее. Большевики также стремятся покончить с человеческой агрессивностью, гарантируя удовлетворение материальных потребностей и предписывая равенство между людьми. Я полагаю, что эти упования обречены на провал. Между прочим, большевики деловито усовершенствуют свои вооружения, и их ненависть к тем, кто не с ними, играет далеко не последнюю роль в их единении. Таким образом, как и в Вашей постановке задачи, подавление человеческой агрессивности не стоит на повестке дня; единственное, на что мы способны, — попытаться выпустить пар другим путем, избегая военных столкновений.

Из нашей «мифологии инстинктов» мы можем легко вывести формулу косвенного метода устранения войны. Если склонность к войне вызывается инстинктом разрушения, то всегда рядом есть его контрагент — Эрос. Все, что продуцирует чувства общности между людьми, является противоядием против войн. Эта общность может быть двух сортов. Первое — это такая связь, как притяжение к объекту вождения, проявляющаяся как сексуальное влечение. Психологи не стесняются называть это любовью. Религия использует тот же язык: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Это набожное суждение легко произнести, да только трудно выполнить. Вторая возможность достижения общности — посредством идентификации. Все, что подчеркивает сходство интересов людей, дает возможность проявиться чувству общности, идентичности, на котором, по большому счету, и основано все здание человеческого общества.

В Вашей резкой критике злоупотреблений властью я усматриваю еще одно предложение, как нанести удар по истокам войны. Одной из форм проявления врожденного и неустранимого неравенства людей является разделение на ведущих и ведомых, причем последних — подавляющее большинство. Это большинство нуждается в указании свыше, чтобы принять решение, которое без колебаний принимается к исполнению. Отметим, что человечеству предстоит еще много выстрадать, прежде чем родится класс независимых мыслителей, не поддающихся запугиванию, стремящихся к истине людей, миссия которых будет состоять в том, чтобы своим примером указывать дорогу массам. Нет необходимости заострять внимание на том, сколь мало политические или церковные ограничения на свободу мысли поощряют идею переустройства мира. Идеальным состоянием для общества является, очевидно, ситуация, когда каждый человек подчиняет свои инстинкты диктату разума. Ничто иное не может повлечь столь полного и столь длительного союза между людьми, даже если это образует прорехи в сети взаимной общности чувств. Однако природа вещей такова, что это не более чем утопия. Другие косвенные методы предотвращения войны, конечно, более выполнимы, но не могут повлечь за собой быстрых результатов. Они более напоминают мельницу, которая мелет столь медленно, что люди скорее умрут от голода, чем дождутся ее помола.

Как Вы видите, консультации с теоретиком, живущим вдали от мирских контактов, насчет практических и срочных проблем не прибавляют оптимизма. Лучше заниматься каждым из возникающих кризисов теми средствами, которые имеются в наличии.

Однако мне хотелось бы обратиться к вопросу, который меня тем более интересует, что он не был затронут в Вашем письме. Почему Вы и я, как и многие другие, столь неистово протестуют против войн, вместо того чтобы признать их адекватной противоположностью неумности жизни? Представляется, что это замечание достаточно естественно звучит и в биологическом смысле, а также с неизбежностью следует из практики. Я полагаю, что Вы не будете шокированы такой постановкой вопроса. Для лучшего проникновения в суть вопроса спрячемся за маской притворной отчужденности. Ответить на мой вопрос можно следующим образом. Каждый человек обладает возможностью превзойти самого себя, тогда как война отнимает жизнь вместе с надеждой; стремление к сохранению человеческого достоинства способно принудить одного человека убить другого, и следствием этого является крушение не только того, что добыто тяжким физическим трудом, но и многого другого.

Кроме того, современные способы ведения войны почти не оставляют места проявлениям истинного героизма и могут привести к полному истреблению одной или обеих воюющих сторон, учитывая высокое совершенство современных методов уничтожения. Это справедливо в той же мере, в какой очевидно, что мы не можем запретить войны всеобщим договором.

Несомненно, что любое из утверждений, которые я сделал, может быть подвергнуто сомнению. Можно спросить, например, почему общество, в свою очередь, не должно притязать на жизни своих членов? Более того, все формы войны невозможно осудить без разбора; до тех пор пока есть нации и империи, беззащитно готовящиеся к истребительным войнам, все должны быть оснащены в той же степени для ведения войны. Но мы не будем сосредоточиваться на этих вопросах, поскольку они лежат вне круга проблем, к обсуждению которых Вы меня пригласили.

Я перехожу к другому пункту, базирующемуся, насколько я понимаю, на нашей общей ненависти к войне. Дело в том, что мы не можем без ненависти. Мы не можем иначе, ибо такова наша органическая природа, хоть мы и пацифисты. Найти аргументы для обоснования этой точки зрения не составит труда, однако без объяснения это не слишком понятно.

Я вижу это следующим образом. С незапамятных времен длится процесс культурного развития человечества (некоторые, насколько мне известно, предпочитают именовать его цивилизацией). Этому процессу мы обязаны всем лучшим в том, какими мы стали, равно как и значительной частью того, от чего мы страдаем. Природа и причины этой эволюции неясны, ее задачи размыты неопределенностью, однако некоторые из ее характеристик легко почувствовать. Вполне вероятно, что он может привести человечество к вымиранию, ибо наносит ущерб сексуальной функции — уже сегодня некультурные расы и отсталые слои населения размножаются быстрее, чем развитые и высококультурные. Возможно сопоставление этого процесса с результатами одомашнивания некоторых пород животных, несомненно вызывающего изменения в их физическом строении. Однако представление, что культурное развитие общества является процессом того же порядка, пока не стало

общепринятым. Что же касается психических изменений, которые сопровождают культурный процесс, то они поразительны и их невозможно отрицать. Установлено, что они заключаются в прогрессирующем отказе от завершеного инстинктивного действия и ограничении масштаба инстинктивного отклика. Сенсации наших прадедов для нас — пустой звук или же невыносимо скучны, и если наши этические и эстетические идеалы претерпели изменение, то причиной тому не что иное, как органические изменения. С психологической стороны мы имеем дело с двумя важнейшими феноменами культуры, первый из которых — формирование интеллекта, подчиняющего себе инстинкты, и второй — замыкание агрессии внутри себя со всеми вытекающими из этого выгодами и опасностями. Сегодня война приходит во все более решительное противоречие с ограничениями, налагаемыми на нас ростом культуры; наше негодование объясняется нашей несовместимостью с войной. Для пацифистов, подобных нам, это не просто интеллектуальное и эмоциональное отвращение, но внутренняя нетерпимость, идиосинкразия в ее наиболее выраженной форме. В этом отрицании эстетическое неприятие низости военного способа действий даже перевешивает отвращение к конкретным военным злодеяниям.

Как долго придется ждать, чтобы все люди стали пацифистами? Ответ неизвестен, но, возможно, не так уж фантастичны наши предположения о том, что эти два фактора — предрасположенность человека к культуре и вполне обоснованный страх перед будущим, заполненным войнами, — способны в обозримом будущем положить конец войне. К сожалению, мы не в состоянии угадать магистраль или даже тропу, ведущую к этой цели. Не умаляя точности суждения, можно лишь сказать, что все то, что в той или иной форме сделано для развития культуры, работает против войны.

Ваш Зигмунд Фрейд